

Е. Е. Иванов

О РАЗЛИЧИИ ОТНОШЕНИЙ ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКИХ И АФОРИСТИЧЕСКИХ ЕДИНИЦ К СЛОВУ

Рассматривается вопрос о соотношенности фразеологических, афористических и лексических единиц с учетом проявления в них таких признаков, как воспроизводимость, устойчивость, идиоматичность и отдельнооформленность. Вместе с тем отмечается, что некоторые афористические единицы, традиционно включаемые во фразеологию в ее «широком понимании», могут являться однословными, сохраняя при этом признаки высказывания.

Отношение фразеологических единиц к слову проявляется прежде всего в функциональной способности их достаточно большого количества выступать в качестве составных компонентов высказывания наравне с лексическими единицами и образовывать с ними парадигматические отношения (синонимии, антонимии и др.), что позволяет причислять такие фразеологизмы к лексическому уровню языковой системы. Отношения функционального тождества фразеологических и лексических единиц лежат в основе ограничения фразеологического состава языка только единицами такого рода (фразеологии в «узком» понимании).

Все остальные устойчивые в речи фразы (в том числе пословицы и крылатые выражения) функционально и семантически противопоставлены слову и могут рассматриваться только на синтаксическом уровне языка. Правомерность их причисления к фразеологическим единицам одними лингвистами отвергается, исходя из наличия существенных различий между ними (прежде всего немоделируемости пословиц и крылатых слов, согласно широко известного мнения В. Н. Телия [5, с. 511–512]), а другими, наоборот, поддерживается на основании ряда общих для всех них признаков (в рамках фразеологии в «широком» смысле).

Так, включение пословиц и крылатых слов (выражений) в состав фразеологических единиц языка обосновывается, как правило, тем, что и те, и другие обладают такими общими дифференциальными признаками, как отдельнооформленность (или так называемая «сверхсловность»), воспроизводимость и устойчивость. При этом устойчивость либо отождествляется с «повторяемостью в речи в одном и том же качестве и в одном и том же не зависимом от контекста значении» (Б. А. Плотников), т. е. непосредственно с воспроизводимостью [3, с. 244], либо связывается с уникальной сочетаемостью компонентов фразеологических единиц на основе переосмысления значения как всего сочетания в целом, так и любого из его компонентов (так называемой, по словам

А. В. Кунина, «фразеологической устойчивостью не ниже минимальной» [2, с. 210]). В последнем случае устойчивость часто обуславливается еще одним дифференциальным признаком – идиоматичностью сочетаний слов за счет утраты внутренней формы их переосмысления.

Указанные признаки традиционно рассматриваются в языкознании как дифференцирующие в системе языка собственно фразеологические единицы (в их отличии от лексических единиц), а в рамках понимания фразеологии «в широком смысле» еще и как универсальные по отношению ко всем единицам фразеологического материала языка. В этом случае очевидные структурные и семантические различия между, с одной стороны, пословицами, крылатыми фразами (а также иными по происхождению «устойчивыми фразами», которые являются знаками ситуаций или отношений между вещами и структурно и семантически эквивалентны предложениям), а с другой, всеми остальными фразеологическими единицами (которые выступают как знаки понятий и содержательно эквивалентны словам) используются в качестве критериев как различных частных классификаций фразеологических единиц (Н. М. Шацкого [7], А. В. Кунина [2, с. 312–313], И. И. Чернышевой [6, с. 45–46] и др.), так и общей систематизации фразеологического материала языка, предложенной Б. А. Плотниковым [3, с. 245–246].

Следует отметить, что не все перечисленные признаки являются действительно универсальными для всех фразеологических единиц в их широком понимании, что неоднократно отмечалось самими фразеологами. Так, не все устойчивые сочетания слов в одинаковой степени идиоматичны (среди пословиц и крылатых выражений встречается достаточно большое количество единиц с прямым значением, ср.: *Горя бояться, счастья не видать; Лучшее поздно, чем никогда; Насильно мил не будешь; Человек – это звучит гордо* и т. п.), не все из них в равной степени устойчивы (часть фразеологических единиц допускают свободное варьирование ряда своих компонентов, ср.: *знать, понимать, смотреть и т. д., куда ветер дует*), не все устойчивые сочетания слов воспроизводятся в «готовом виде» (некоторые из них, имеющие прямое значение и большое количество вариантов, регулярно производятся в стандартных ситуациях с одним и тем же компонентным составом по одним и тем же синтаксическим моделям, ср.: *Всем (каждому) <на свете никогда> не угодить* или *Всем <на свете> невозможно (нельзя, трудно и т. д.) угодить* или *Всем (каждому) невозможно (нельзя, трудно и т. д.) угодить* или *Каждому (на всех, никому) <никогда> не угодить* или *На всех <на свете никогда> не угодить* или *Невозможно (нельзя, трудно и т. д.) всем (каждому) угодить* или *Угодить всем <на свете> невозможно (нельзя, трудно и т. д.)* или *Угодить всем (каждому) невозможно (нельзя, трудно и т. д.)* и под.). Градация степени проявления идиоматичности, устойчивости и воспроизводимости фразеологических единиц может служить основой для их внутренней классификации (в частности, разграничения «узкого» [1] и «широкого» понимания фразеологии [4]), а само наличие того или иного признака критерием определения «степени фразеологичности» того или иного сочетания слов [3].

Только один из дифференциальных признаков фразеологических единиц (как в широком, так и в узком понимании фразеологии) не имеет (и не может иметь, согласно общепринятой точке зрения), степени своего проявления. Это их раздельнооформленность, или сверхсловность. Именно данный признак выступает основополагающим показателем разграничения лексического и фразеологического материала языка (остальные признаки свойственны и слову, которое так же воспроизводимо, устойчиво по своей структуре и идиоматично). Наличие в некоторых языках фразеологических единиц грамматически оформленных как одно сложное слово (например, в нем. *Vervenkrieg*) не противоречит признаку раздельнооформленности, поскольку такого

рода образования осознаются носителями языка как безусловно сверхсловные (в силу отсутствия одного основного ударения, структурной цельности, грамматической оформленности).

Несмотря на всю очевидность признака сверхсловности, он все же не является универсальным для всех без исключения единиц, традиционно включаемых во фразеологию в ее широком понимании. Это прежде всего касается таких единиц, как пословицы и крылатые афоризмы, которые, являясь высказываниями (т. е. будучи синтаксически эквивалентными предложению), могут состоять и из одного слова. Ср., например, крылатые афоризмы Козьмы Пруткова *Бди!* и (менее известное) *Козырай!* («Плоды раздумья: Мысли и афоризмы») или едва ли не самую «русскую» по степени выражения национального характера паремию *Образуется* (в значении 'Все неприятности рано или поздно пройдут сами собой, нужно лишь терпеливо сносить житейские трудности' как эллиптический вариант распространенного выражения *Все образуется*) и т. п.

«Однословные» фольклорные и литературные афоризмы ничем принципиально не отличаются от «сверхсловных» ни по своей семантике (так же обладают обобщенно универсальным значением и могут иметь прямой и переносный смысл), ни по своим функциям в речи (так же используются прежде всего в номинативных и экспрессивных целях), ни в деривационном плане (так же образуются непроизводным и производным способами с помощью сходных приемов) и т. д. Между собой однословные и сверхсловные афористические единицы связаны парадигматическими отношениями (синонимическими, антонимическими, тематическими, ассоциативными и др.), образуют единую лингвистическую категорию «языковые афоризмы» и формируют одну подсистему лингвистических единиц – афористическую.

В дневниковой прозе известного русского писателя, публициста и мыслителя В. В. Розанова встречается показательный пример первичной деривации и ситуативно обусловленного употребления в речи одного из самых распространенных однословных русских языковых афоризмов.

Гениальному человеку достаточно «проехать по стране», чтобы заприметить в ней такое важное, чего «тутошные люди» век живя – не заметят. И Гоголь это, только «проехавшись по России», заметил; и Бисмарк заметил, только «побывав в Петербурге послом».

С ним случился раз анекдот: он заблудился на медвежьей охоте. Поднялась пурга, дорога была потеряна, и Бисмарк очутился в положении поляков с Сусаниным. Лес, болото, снег, никуда дороги. Он считал себя погибшим...

– Ничего, – обернулся мужичок с облучка.

Он был один, с этим мужиком, без русской речи, кроме каких-нибудь слов.

Мужичок все обертывался и утешал железного барина:

– Ничего, выберемся!

«Выберемся» он уже не понимал. А только запомнил это «ничего», много раз повторявшееся. И когда стал канцлером, то в затруднительных случаях любил повторять на непонятном языке:

– Ничего. Nitschevo.

Распространительно: «Бог не выдаст – свинья не съест». «Не пришел час гибели – и не погибнем. А пришел этот час, то как ни кудахтайся – не выберешься». В общем: «Ничего» («Возле "русской идеи"...»).

Следует сказать, что приобретать афористическую семантику может достаточно широкий круг однословных фраз, особенно в случаях их индивидуально-авторского переосмысления. Массово же употребляемыми становятся, как правило, такие однословные афористические изречения, которые содержательно актуальны для широкого круга носителей языка и вступают в парадигматические отношения (синонимии,

антонимии и др.) с единицами афористического состава языка (половицами и крылатыми афоризмами).

Однословных афористических единиц сравнительно немного, они менее разнообразны по своему составу и структуре, чем сверхсловные. Количество однословных афоризмов зависит от числа таких лексических единиц (прежде всего глаголов и слов категории состояния), которые в определенной грамматической форме (глаголы) и/или синтаксической функции в прямом или в переносном значении могут иметь обобщенно-универсальное значение (ср.: *простить* в значении 'снять какую-либо вину с кого-либо, освободить кого-либо от какого-либо обязательства и т. п.' и *прощайте* в значении 'проявляйте снисходительность к обидчикам и врагам'; *Скучно* в значении 'Мне скучно' и *Скучно!* в значении 'Всем везде всегда скучно' как эллиптический вариант известного крылатого афоризма Н. В. Гоголя *Скучно жить на этом свете, господа!* и т. п.).

К однословным правомерно относить и такие языковые афоризмы, которые по своей синтаксической структуре являются императивными предложениями с глагольным сказуемым в форме повелительного наклонения с модальным значением всеобщего предостережения или запрещения в соединении с отрицанием (ср.: *Не кради; Не отчаиваться!* – крылатые фразы из Святого Писания), а также в аналитической форме будущего времени с вневременным значением (ср.: *Будем жить!* – крылатая фраза из к/ф «В бой идут одни старики»).

Однословные языковые афоризмы в современном русском языке можно дифференцировать в зависимости от их происхождения на шесть основных групп.

1. Крылатые афоризмы из Святого Писания, ср.: *Покайтесь!* (Мф. 3:2, 4:17); *Радуйтесь!* (эллиптированный вариант изречения «Всегда радуйтесь», 1 Фес. 5:16); *Не убивай (убий); Не кради (укради); Не прелюбодействуй* (Исх. 13:17; Вт. 5:17–21; Мф. 5:27).

2. Крылатые афоризмы из литературных источников, ср.: *Бди!* (афоризм Козьмы Пруtkова, «Плоды раздумья: Мысли и афоризмы»); *Не отчаиваться!* (вариант перевода афоризма *Nil desperandum* римского поэта Горация, «Оды», I, 7. 27).

3. Крылатые афоризмы из текстов массовой коммуникации, ср.: *Закаляйся!* (надпись на плакатах, пропагандирующих здоровый образ жизни), *Не тревожься* (в значении 'Не обращай никакого внимания на то, что мешает тебе быть счастливым' < *Don't worry* – сокращенный вариант надписи на открытках и постерах в США с 1960-х годов «*Don't worry, be happy*»).

4. Общепринятые пословицы, ср.: *Перемелется* (эллиптический вариант известной русской пословицы *Перемелется – мука будет* и распространенного выражения *Все перемелется*).

5. Социолектные пословицы, ср.: *Не верь; Не бойся; Не проси* (правила жизни криминального мира).

6. Массово употребительные в речи умозаключения «здравого смысла», основанные на бытовом, религиозном или научном осмыслении мира, ср.: *Не согреши* (как принцип праведной жизни христианина); *Помалкивай* (как принцип социальных отношений в коллективе) и т. п.

Таким образом, основное различие в отношении фразеологических и афористических единиц к слову проявляется прежде всего в том, что первым в отличие от вторых присущ такой категориальный признак, как сверхсловность их компонентного состава. Языковые афоризмы, будучи по своей синтаксической структуре целыми высказываниями, не могут быть функционально тождественны слову, как фраземы, но могут состоять из одного слова (аналитической формы одного слова), что не характерно для фразеологических единиц. В различном отношении фразеологических и афористических единиц к слову проявляется их принципиальное отличие как единиц разных подсистем языка категориально противопоставленных друг другу.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- 1 Амосова, Н. Н. Основы английской фразеологии / Н. Н. Амосова. – Л.: Изд-во ЛГУ, 1963. – 208 с.
- 2 Кунин, А. В. Английская фразеология (теоретический курс) / А. В. Кунин. – М.: Высшая школа, 1970. – 344 с.
- 3 Плотнікаў, Б. А. Фразеалогія / Б. А. Плотнікаў // Агульнае мовазнаўства / Б. А. Плотнікаў. – Мінск: Універсітэцкае, 1994. – С. 242–263.
- 4 Телия, В. Н. Фразеология / В. Н. Телия // Лингвистический энциклопедический словарь. – М.: Сов. энциклопедия, 1990. – С. 560–561.
- 5 Фразеология // Общее языкознание: внутренняя структура языка / Отв. ред. Б. А. Серебренников. – М.: Наука, 1972. – С. 456–515.
- 6 Чернышева, И. И. Фразеология современного немецкого языка / И. И. Чернышева. – М.: Высшая школа, 1970. – 199 с.
- 7 Шанский, Н. М. Фразеология современного русского языка [1963] / Н. М. Шанский. – 3-е изд., испр. и доп. – М.: Высшая школа, 1985. – 160 с.